

В фокусе — Эмиль Кио

Сергей Миронов

В его послужном списке — свыше десяти тысяч представлений и десяти тысяч аншлагов. Он может распиливать и сжигать женщин. Причем этому радуются и те, кого он распиливает, и те, кто сидит в зрительном зале. Когда встречаешься с таким человеком, то хочется услышать от него ответы на все-все-все вопросы на свете. Поэтому, может быть, беседа оказалась такой разбросанной. Но коэффициент интересности ее от этого не пострадал.

— Эмиль Эмильевич, каково вам было расти в цирковой семье?

— Может быть, буду говорить банальности, но детство — теперь я это знаю точно! — самое приятное воспоминание в жизни. С одной стороны, я был обычным ребенком, который жил в обычной семье и которого очень любили родители, потому что он — первенец! С другой — меня окружал особый мир, который нынешние журналисты именуют непонятным словом «богема». Наш дом посещали очень интересные люди, например, «старая гвардия» МХАТа. То интеллектуальное общение, которое происходило между ними, создавало (здесь я прибегну к дореволюционной терминологии) с а л о н. Двери нашего дома были практически всегда открыты настежь: мама была очень хлебосольным человеком. Гости читали стихи...

— ...обсуждали политику.

— Не очень. Может быть, вскользь. В то время обсуждать политическую жизнь страны было небезопасно для самой жизни обсуждающего. Хотя где еще, как не на кухне, говорят о политике?! При всем при том папа избегал политики в своей работе. В общем, профессия иллюзиониста в нашей стране стала самой аполитичной. Правда, я от этого не слишком страдаю. Хотя еще в годы советской власти мне приходилось много ездить с гастролями по миру. Так что могу сопоставлять наш и их уровень жизни. К моему великому сожалению, сравнение ни тогда, ни сейчас было не в нашу пользу. Самое печальное, не видно более-менее ясного выхода из кризиса. Взять хотя бы те же самолеты, на которых я летаю: нынешние российские самолеты и уровень нашего сервиса до боли напоминают неприхотливый сервис в советской стране.

— В России всегда любили сказки (и, наверное, потому так любят ваш фокуснический жанр!). Все надеялись: вот кто-то придет и по пучьему велению изменит жизнь к лучшему...

— Могу судить по своему опыту: любовь к сказкам, а соответственно и к иллюзиям — явление интернациональное. Этим человек отличается от животного мира. Людям свойственно мечтать, удивляться и смеяться. А самое главное — человек по своей природе любопытное существо. Впрочем, понимаю ваш подтекст. Увы, это только в сказках и номерах иллюзиониста: раз, два, три — и происходит чудо! В жизни, к сожалению, чудес не бывает. Надо работать!

— И все-таки в вашей жизни такое чудо произошло: вы родились в семье великого циркового иллюзиониста. Кстати, в цирковых семьях... читают книги?

— О, в детстве я много читал. В разное время это были разные книги. Среди любимых, безусловно, были «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова. Не могу даже сказать, сколько раз перечитывал эти романы. В свое время эти книги были у меня настольными, точнее, разбродными. Я брал их с собой на гастроли и сравнивал нашу жизнь с событиями в этих романах. Юмора и в книгах, и в жизни было предостаточно.

— Остап Бендер в своем роде фокусник — в прямом и переносном смысле. Если вспомним роман, он даже выступал с фокусами перед зрителями... Читая эту книгу, вы уже знали, что будете иллюзионистом?

— В детстве я об этом не задумывался. Ребенком я жил в необычном мире, можно сказать, необычной стране, где ходят не на ногах, а на руках, где обычным делом была пробежка по канату на большой высоте, где взрослые кувыркались, как дети, подбрасывали в воздух множество предметов, а они не падали на землю... А мой папа показывал чудеса, которые было невозможно объяснить! Мне, как любому цирковому ребенку, хотелось научиться тому, что делали вокруг меня. Меня никто не заставлял это делать, но очень скоро я научился делать многие цирковые трюки, даже жонглировал пятью предметами. Естественно, мне хотелось удивлять зрителей, как это делал папа. Учась в школе, а затем в институте, я показывал своим одноклассникам и сокурсникам простые фокусы — на уровне художественной самодеятельности.

— В вашей семье существовала проблема «отцов и детей»?

— Родители видели в нас с Игорем продолжателей своего дела. Поэтому они ненавязчиво, тонко, мягко учили нас постигать нюансы профессии. У нас с братом не было с родителями особенных разногласий. Все занимались одним делом — любимым делом. Родители для нас были безусловными авторитетами, учителями. Еще Толстой говорил, что человек учится думать и думает только до пяти лет, а потом идет сбор информации. Мы не чувствовали никакого диктата со стороны родителей, все проходило естественно и ненавязчиво. Проблемы «отцов и детей» в нашей семье не было.

— Вам часто говорили в детстве «нельзя»?

— Меня с самого детства приучали быть человеком слова, не обманывать. Нельзя пообещать — и не сделать! Это и был принцип воспитания, принцип общения.

— В институте вы, разумеется, учились на фокусника?

— Нет, у меня диплом... инженера-градостроителя. Я даже два месяца проработал по специальности — мастером в СУ-37 треста по строительству набережных и мостов.

— Это была мечта моего папы — создать Театр иллюзий Кио. Конечно, мне бы очень хотелось, чтобы мечта папы осуществилась... Это должно быть уникальное учреждение, где по вечерам идут представления, а днем желающих учат делать фокусы

— И что же построил Эмиль Кио-строитель?

— Начну с того, что учился я довольно-таки неплохо. Мой дипломный проект «Реконструкция, благоустройство, планировка и озеленение Театральной площади в Рязани» был осуществлен в натуре. Кстати, это был первый случай в нашем институте, когда дипломная работа студента была воплощена в жизнь. За эту работу Министерство высшего и среднего специального образования наградило меня медалью за лучшую научную студенческую работу в СССР. Так что в Рязани Театральная площадь — моя!

— Почему вы не продолжили так блистательно начавшуюся карьеру архитектора?

— Скорее всего, сказался зов крови. Говорят, те, кто переступил барьер манежа, добровольно оттуда уже не уходят. Я с детства хотел работать в цирке. Но папа, у которого не было высшего образования, считал, что современный человек должен обязательно его получить: получи диплом, а уж потом можешь идти работать, куда хочешь, — хоть в цирк, хоть дворником... Это сейчас принято иметь не высшее образование, а среднее со-

ображение. А в те годы иметь диплом инженера считалось престижно и почетно. Кстати, тогда и в ГИТИСе еще не было циркового отделения. Технические же знания, полученные в институте, впоследствии очень помогли мне при конструировании моего реквизита (а реквизит в моей профессии очень важен!), и я, между прочим, могу с инженерами изъясняться на понятном для них техническом языке.

Мое приобщение к профессии происходило, например, следующим образом: как-то отец находился на гастролях в Англии. Зашел в иллюзионный магазин. Посмотрел каталог фокусов и увидел интересный трюк: фокусник брал мягкий канат, бросал его вверх — и канат становился твердым шестом, по которому лез гимнаст. Когда гимнаст опускался вниз, шест вновь становился мягким канатом. Еще в каталоге говорилось, что этот трюк в силу своей сложности неисполняем. Отец это разгадал. Он приехал домой и решил сделать этот номер. Никто не мог придумать, из какого материала сделать канат, чтобы он выдержал вес гимнаста. Я в это время в институте изучал сопротивление материалов. Зная вес гимнаста, я определил те нагрузки, которые испытывает материал, и посоветовал сделать шест из такого-то материала (здесь наш собеседник, верный негласному корпоративному уговору фокусников всех времен и народов, опустил название материала! — Ред.). Канат сделали, номер пошел! До сих пор он сохранился в репертуаре и у меня, и у брата Игоря.

— Существует мнение, что ваш отец произвел революцию в отечественном жанре...

— До отца у фокусников и иллюзионистов существовала традиция — выдавать себя за особенных людей, связанных с чем-то потусторонним. Мол, черная магия, колдовство... Мой папа первым из иллюзионистов сбросил со своих выступлений покров таинственности. В начале своей карьеры он еще выходил, как тогда было принято у иллюзионистов, в халате и чалме, работал в восточном стиле. Своего рода волшебник и чародей. Потом

понял, что зритель растет, становится культурнее, в чудеса уже никто не верит... Он избавился от восточной атрибутики и стал выходить на манеж в обыкновенном костюме или смокинге. Тем самым он хотел подчеркнуть, что никакой он вовсе не волшебник, а просто загадывает зрителям загадки и головоломки. Людям вообще свойственно разгадывать загадки, ребусы, кроссворды.

Папа (вынесем за скобки все родство!) был великим иллюзионистом. В 1960 году он был признан лучшим фокусником в мире. Это произошло в Англии, куда он приехал на гастроли. На его представление съехались фокусники со всего мира — из США, Франции, Швеции, Дании... После представления Международного магического клуба присудил ему первое место. На следующий год в Дании Международная артистическая ложа вручила ему золотую медаль. Это был четвертый случай, когда артисту цирка присуждалась такая высокая награда. Первым был воздушный гимнаст, испанец по национальности, Кадонов (он первым сделал тройное сальто-мортале); вторым — итальянский жонглер Россалли; третьим — немецкий клоун Грот; папа стал четвертым. Кстати, между третьим обладателем медали и четвертым — временной отрезок в четверть века!

— В каком возрасте, на ваш взгляд, человек наиболее удивляем?

— Для нас, иллюзионистов, самый «страшный» зритель — дети. Они очень часто догадываются о механизме фокуса. Дети не обременены высоким образованием, законами физики... Любую проблему они решают элементарно. Однажды после представления ко мне подошел мальчик и передал пухлую тетрадку, в которой описал механизм всех моих фокусов. Представляете, на семьдесят процентов угадал! Если же расспросить после моего представления две тысячи взрослых, они вам дадут две тысячи решений исходя из своего образования, личного опыта и субъективного мнения. Безнадежное дело! Ну, может быть, один только ответ будет правильным.

— Что является характерной чертой российского зрителя — юмор, любознательность?..

— Юмор — явление, не имеющее границ и возраста. А вот что касается любознательности — это наша отечественная черта. Иностранцы смотрят представление для того, чтобы насладиться зрелищем. В нашем же зрители постоянно идет мыслительный процесс. Впрочем, в последние годы наш зритель изменился. Современный отечественный зритель стал более раскрепощенным, открыто проявляет эмоции, хлопает, топает. Раньше российский зритель был значительно сдержанней.

— Хочется задать вам один вопрос, которым вас, наверное, уже достали: Дэвид Копперфилд в самом деле делает уникальные, никем не повторенные иллюзии?

— Лично для меня, да и для всех профессиональных фокусников шоу Копперфилда никакая не загадка. Он молод, хорош собой, поэтому часть славы снискал помимо сцены. Он хороший манипулятор, пластичен. Но то, что он делает, можно назвать модным нынче словом «клип». Копперфилд делает клипы на сцене. Я не был на его москов-

21.01.02
Кио Эмиль Эмильевич

94

ском представлении, но мои знакомые делились впечатлениями. Говорили, что представление немного затянуто, оттого как бы рассыпается из-за пауз. Его очень хорошо смотреть по телевизору, на видео, где представление уже смонтировано... Кстати, многие фокусники, разработавшие какие-либо иллюзии, нередко продают свои новинки Копперфилду за приличные деньги. У Копперфилда очень хорошая команда профессионалов – режиссеры, осветители, пиротехники...

– Ну а вы летать, как он, можете?

– Это не самый сложный трюк. При наличии современных технологий можно сделать очень многое.

– Вам сразу видны секреты других фокусников?

– Секреты – да. Для меня загадка могут составлять манипуляторы, которые показывают фокусы, связанные с ловкостью рук. В микромагии я могу что-то не знать, но все крупные трюки вижу насквозь.

– Как возникают новые иллюзионные номера?

– Что-то можно услышать, что-то увидеть... Однажды на вокзале папа обратил внимание на электрокар, на котором возили багаж. Ему это запало в голову и он сделал номер: на манеж вывозят «троллей-кар»; на нем стоят два человека, которые держат прозрачное стекло. На стекло садится девушка, ее накрывают покрывалом. «Троллей-кар» делал круг по манежу, покрывало сбрасывали – девушка исчезала. На этот удивительный номер, как я сказал выше, отца натолкнуло простое наблюдение на вокзале!

Расскажу о появлении одного моего номера: однажды мы ехали по Москве в «Москвиче». Нас было девять человек. Около «Пекина» останавливает милиционер – не был включен подфарник-мигалка. Стали один за другим вылезать из машины. «Ой, как вас много!» – говорит милиционер. На счастье, с нами был Юра Никулин. Он тогда еще не был ни народным артистом, ни заслуженным... Но снялся в фильме «Ко мне, Мухтар!» и известность к нему уже пришла. Юра сказал милиционеру: «Если ты нас не отпустишь, я тебе кланюсь: больше роли милиционеров в кино играть не буду!» Тот нас отпустил. Мы – все девять человек! – сели в «Москвич» и уехали. Мне запомнилось удивление милиционера... Так родился новый номер. Правда, на манеже в моей машине помещались не девять, а восемнадцать человек. Машина делает круги по манежу, и с каждым кругом из нее выходят все новые и новые девушки. Потом выезжает клоун. И наконец, я. Кстати, коли-

чество «пассажиров» в моем номере будет увеличиваться. Хочу довести их до 21 – будет «очко»!

– Ваши шоу обычно отличаются интересным музыкальным сопровождением. Кто подбирает вам музыку?

– В 1968 году мы работали в Харькове, и там познакомился с главным дирижером городского цирка Владимиром Михайловым. С тех пор он вот уже 20 лет пишет для нас музыку. В нашей нынешней программе мы использовали мелодии Гершвина и работаем под фонограмму. Гершвин – это выбор моей жены. У меня в музыке нет пристрастий. В детстве меня десять лет учили игре на рояле. Это отбило всю охоту к музыке. Папа не владел никакими музыкальными инструментами, но очень хотел, чтобы дети умели то, чего не умеет он сам. Поэтому и я, и Игорь учились музыке. Я дошел до того, что научился играть «Дунайские волны», а Игорь – песню «Одинокая гармонь». Как-то к нам в гости пришел композитор Модест Табачников. Папа решил похвастаться перед ним, как его дети умеют играть. Я сыграл «Дунайские волны», Игорь – «Одинокую гармонь». Табачников во время концерта сильно заскучал. Потом спросил отца: «И сколько ты за все это заплатил?» Отец посчитал и назвал сумму. Табачников прагматически высчитал: «За эти деньги ты мог бы пригласить Рихтера и он бы тебе месяц играл!»

– Много ли в России хороших фокусников?

– У нас достаточно хороших иллюзионистов. Например, народный артист России Юрий Аверино, Албина Зотова (она показывает иллюзии на льду), выступали Наталья Рубанова, ныне передавшая аттракцион своей племяннице, Лидия Абдулаева... Хороших иллюзионистов очень много! Но мой отец, как ни пафосно это звучит, является родоначальником отечественных иллюзий. Его имя стало нарицательным. Если помните, то в некоторых фелетонах об особо искусных проходивших из тех, кто умел обаять окружающих, говорили: прямо как Кио!.. По большому счету нам с братом в своей профессии было намного легче, чем другим, не надо было создавать имя!

– Почему иллюзионисты – семейная, или, скажем так, клановая, профессия?

– Так сложилось, что цирковые училища не готовят иллюзионистов и дрессировщиков. Скорее всего, это не профессия, а призвание. Для него нужна определенная среда, определенная обстановка. В моем

Эмиль Кио и Екатерина Лица перед недавним совместным выступлением в гостинице «Космос» в Москве

случае судьбу предопределила моя семья.

– Не появлялась ли у вас идея создать в Москве что-то вроде Уголка Дурова? Например, Уголок иллюзий Эмиля Кио?

– Это была мечта моего папы – создать Театр иллюзий Кио. Конечно, мне бы очень хотелось, чтобы мечта папы осуществилась. Но сейчас это сделать практически нельзя без посторонней влиятельной помощи. Это должно быть уникальное учреждение, где по вечерам идут представления, а днем желающих учат делать фокусы. Идея просто фантастическая!

– Существует ли аналог такого театра иллюзий?

– Такого театра нет во всем мире, хотя идея лежит на поверхности. Что-то похожее делают иллюзионисты Зигфрид и Рой: они вот уже 15 лет работают в отеле «Мираж» в Лас-Вегасе, пользуются колоссальной популярностью и стали достопримечательностью Лас-Вегаса. Нужно ли говорить, что это – финансовая находка отеля?! Я с ними знаком. Сначала познакомился с господином Зигфридом в Осаке, когда он пришел на мое представление. После представления мы долго с ним беседовали. Он рассказал мне, что толчком к его карьере иллюзиониста послужило мое выступление: когда-то давно он с братом пришел на мое представление – просто так, поглазеть. Их поразил номер: юношу и девушку сажают в отдельные шары, поднимают над манежем – и меняют местами. Трюк довольно сложный. Естественно, он производил на зрителей большое впечатление. Так вот, по словам

Зигфрида, именно этот трюк произвел переворот в их судьбе: они эмигрировали из ГДР в США (в то время это был поступок!), и их взял под свою крышу уважаемый отель...

– Читатели не поймут нас, если мы не зададим вам несколько личных вопросов, поскольку ваша большая семья всегда была объектом всеобщего внимания. По Москве упорно ходят слухи о том, что вы находитесь в натянутых отношениях со своим братом – Игорем Кио и будто бы виновницей этого являлась покойная Галина Леонидовна Брежневна.

– Какая чушь! У нас с Игорем нормальные братские отношения. Мы с ним немного разные, но выбрали одинаковую профессию. Эта профессия подразумевает длительные гастроли. Может быть, поэтому мы так редко видимся, редко появляемся вместе в обществе. Наверное, это и дает пищу для слухов. И уж тем более мои отношения с братом никак не связаны с Галей Брежневой, царствие ей небесное!

Для того чтобы объяснить наши отношения с Игорем, коротко расскажу историю нашей семьи и брака Игоря и Галины: дело в том, что у нас с Игорем один отец – Эмиль Теодорович Кио, но разные матери. Моя мама – Коша Александровна. По-осетински – Кошерхан Тоховна Барукаева. Она работала в осетинском театре, там познакомилась с отцом, когда он приезжал в Осетию на гастроли. Я тоже родился в Орджоникидзе (нынешний Владикавказ), и по паспорту я – осетин. Первое звание, которое я получил еще в 1969 году, – заслу-

женный артист Северо-Осетинской АССР.

После смерти отца весь его репертуар перешел к Игорю. Кстати, репертуар перешел к нему еще и потому, что его мать была ассистенткой у отца. Мне пришлось делать свою программу. На сегодня у нас с ним остался единственный одинаковый номер – сожжение женщины. Несмотря на кажущийся конфликт (мол, Игорь получил весь репертуар готовым, а я начинал с нуля), ни для меня, ни для Игоря этот факт не являлся яблоком раздора.

Что касается женитьбы Игоря и Галины Брежневой, то я был непосредственным участником и наблюдателем этого события. Свадьба как свадьба. Зарегистрировали брак во Дворце бракосочетания в переулке возле улицы Кирова. Я был свидетелем со стороны жениха, свидетельницей у невесты была юная девушка по имени Наташа. Кстати, она до последних дней общалась с Галей, была ее близкой подругой. Потом мы шумно отпраздновали свадьбу в ресторане «Прага». Был очень узкий круг друзей Игоря и Галины – человек двадцать. А потом они уехали в Сочи.

– На ваш взгляд, это была настоящая любовь?

– Я в этом уверен. У Игоря это была первая любовь. Галина была значительно старше, но их чувства, поверьте мне, были самые настоящие. Галина вообще была светлым человеком. Меня поразила даже не ее внешняя красота, а то, какой она была в общении. Казалось бы, дочь генерального секретаря, а когда мы выезжали на шашлыки, она не чуралась никакой работы. В общении была простой, одевалась скромно: ситцевое платье, босоножки, никаких фантастических драгоценностей на ней я не видел.

– Правда ли, что на разводе настоял Леонид Ильич?

– Это правда. Скорее всего, Леонида Ильича насторожила существенная разница в возрасте молодоженов. Для них обоих это была личная трагедия. Потом они полгода встречались, но в силу обстоятельств дальнейшие отношения были просто невозможны. Очень жаль, что так получилось.

– Почему у вас в паспорте стоит двойная фамилия?

– В самом деле, по паспорту я Ренард-Кио. Это пошло от папы. Когда он начинал свою артистическую карьеру, у артистов было принято брать непонятные иностранные фамилии. Папа посчитал, что его собственная фамилия – Ренард – звучит недостаточно театрально. Как-то вечером они с приятелями шли после представления домой. Вдруг жена одного из приятелей воскликнула: «Вот как здорово! И коротко, и загадочно! Чем не псевдоним?» И она показала на световую рекламу с тремя неоновыми буквами «КИО». Оказалось, это был кинотеатр, в слове «кино» не горела буква «н». С тех пор мы все – Кио...

Женщины ему доверяют

